

А. И. Рупасов

Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады*

Система органов, в функции которых входило разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями, стала складываться в Советской России после принятия 21 сентября 1922 г. ЦИК и СНК РСФСР Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и организациями. Этим документом учреждались Высшая арбитражная комиссия при Совете труда и обороны (СТО) РСФСР и арбитражные комиссии при областных экономических советах¹. Позже были созданы арбитражная комиссия в РСФСР и арбитражная комиссия при СТО СССР. В марте 1931 г. государственные арбитражные комиссии были ликвидированы, поскольку считалось, что рассмотрение хозяйственных споров может осуществляться в суде. От последней идеи, впрочем, отказались, и 3 мая того же года постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о государственном арбитраже, действовавшее до августа 1960 г. Данным Положением учреждались органы государственного арбитража при СНК СССР и СНК союзных республик, краевых и областных органах исполнительной власти. Городской государственный арбитраж при Ленгорисполкоме с целью разрешения преддоговорных и имущественных споров между государственными, кооперативными и иными общественными организациями, предприятиями и учреждениями был образован в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 г.

В 1934 г. Госарбитраж при СНК СССР утвердил Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража, главное достоинство которых заключалось в том, что они содержали процессуальные нормы, определяющие порядок возбуждения дела и подготовки исковых материалов к слушанию и разрешению спора по существу. Начавшаяся в июне 1941 г.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города. 1941–1944». Грант РФФИ № 190900369.

война с неизбежностью лишала органы государственного арбитража возможности нормально функционировать.

Осенью 1941 г. деятельность Государственного арбитража при исполкоме Ленгорсовета фактически замерла. Масштаб эвакуации разного рода промышленных предприятий, хозяйственных организаций, государственных учреждений, едва ли не хаотическая ситуация в сфере финансов в значительной степени обесмысливали как выполнение договорных обязательств, так и заключение новых договоров при посредстве органов арбитража. Если в первой половине 1941 г. в городской арбитраж поступило 3979 дел, то в третьем квартале — 920, в четвертом квартале их количество сократилось до 642, а в первом квартале 1942 г. таких дел оказалось всего 171². В начале войны фактически руководивший работой Ленинградского госарбитража заместитель главного арбитра Н. И. Магид³ явно в связи с полной остановкой процесса рассмотрения арбитражных дел был откомандирован исполкомом Ленгорсовета на выполнение совершенно иных задач. На него были возложены обязанности уполномоченного по эвакуации на Московском вокзале, а несколько позже — заведование аппаратом Городской эвакуационной комиссии, организация эвакуации на самолетах. Только в начале весны 1942 г. он смог вернуться к исполнению своих основных обязанностей.

Сколько в реальности из поступивших в городской арбитраж дел было рассмотрено в течение осени 1941 — весны 1942 г., неизвестно, в представленном в Ленгорисполком отчете сведений об этом не приводилось. По признанию Н. И. Магида, «в виде исключения сохранились на работе активно действующие юрисконсульты», однако это его утверждение в некоторой степени противоречит другому: «Стороны перестали являться на заседания Госарбитража по разным причинам: неполучение повесток и определений, болезнь или отсутствие работников, могущих выступить в арбитраже, воздушные тревоги»⁴. Более того, руководимая им структура утратила связь с вышестоящими органами Государственного арбитража. Только в конце весны 1942 г. в Ленинграде смогли узнать, где находится Государственный арбитраж при СНК РСФСР. В силу этого Ленинградский городской арбитраж на протяжении 9 военных месяцев не получал «законодательных материалов, а равно разъяснений и директив от своих вышестоящих органов»⁵. К лету 1942 г. на работе в городском арбитраже оставалось всего четыре человека: Магид, государственный арбитр Ансберг, завхоз Болдырева и бухгалтер Дружинина. Кадровые изменения в городском арбитраже произошли только в 1943 г., что было обусловлено, судя по всему, не столько увеличением объема работ, сколько иными объективными обстоятельствами. В апреле того года пришлось освободить от занимаемой должности тяжело заболевшего и фактически неработоспособного государственного арбитра Ансберга, а заменившая его государственный арбитр Зимина смогла проработать всего несколько месяцев. Новыми государственными арбитрами были назначены Елена Андреевна Кислякова (в апреле) и Валентина Георги-

евна Кушнарева (в ноябре)⁶. Именно двум последним, а также Магиду и приходилось рассматривать постепенно возрастающее количество поступавших в арбитраж дел.

Обеспокоенностью органов исполнительной власти Ленинграда дисциплины выполнения государственных заданий было продиктовано принятие 1 марта 1942 г. исполкомом Ленгорсовета решения о заключении городскими организациями договоров на 1942 г. Дело в том, что госарбитражу всё чаще приходилось сталкиваться со стремлением хозяйственных органов снять с себя ответственность за нарушение ранее принятых договорных обязательств путем общей ссылки на «условия войны». В целях восстановления забытой в период особых условий октября–января договорной дисциплины фактически руководивший Ленинградским госарбитражем Н. И. Магид, подготовивший проект этого решения, предусмотрел в отличие от прошлых лет следующие директивы, которые и были одобрены исполкомом: 1) обязанность всех без исключения предприятий и организаций впредь свои хозяйственные отношения с другими организациями оформлять в соответствии с законом договорами, 2) обязанность арбитража осуществлять контроль над своевременным заключением и *выполнением* договоров⁷. Фактически на городской арбитраж после этого решения исполкома был возложен контроль в следующих сферах: 1) строительство газубежищ (необходимо было обеспечить заключение договоров между заказчиками и подрядчиками); 2) изготовление товаров широкого потребления (этой сфере исполнительная власть стала уделять исключительное внимание, при этом на госарбитраж возлагалась функция «сигнализации», т. е. передачи получаемой негативной информации в органы НКВД и прокуратуры⁸); 3) развитие индивидуального огородничества (конкретно речь шла о заключении договоров на поставку семян конторой «Сортсемовощ» и мелкого сельскохозяйственного инвентаря Отделом местной промышленности); 4) ремонт кровель домов и 5) заготовка метел для городского хозяйства. Как видно из перечисленного, фактически все промышленные предприятия и предприятия инфраструктуры в этот период времени выпадали из сферы забот городского арбитража. Впрочем, с учетом мизерного количества сотрудников, а также того, что Госарбитражу приходилось «вести работу по восстановлению арбитражной дисциплины со стороны работников и руководителей предприятий и организаций», расширение сферы забот едва ли было уместным⁹. Даже решение такого вопроса, как заключение договоров с артелями по заготовке метел, растянулось на значительное время.

Весной 1942 г. городскому арбитражу пришлось столкнуться с ростом числа дел, порожденных ситуацией первых военных месяцев и отнюдь не связанных с выполнением договорных обязательств. Когда летом 1941 г. шел процесс создания дивизий народного ополчения, районные комитеты ВКП(б) и районные исполкомы «в порядке мобилизации внутренних ресурсов района предлагали разным организациям сдавать материалы, изделия, инструменты и т. п. имущество, необходимое для снаряжения добровольческих дивизий,

выступающих на фронт для отражения гитлеровских банд <...> [однако] по истечении нескольких месяцев организации, дававшие указанное имущество, стали предъявлять к исполкомам требования об оплате за переданные ценности»¹⁰. Подобные иски Госарбитражем неизменно отклонялись. Обоснование отказа было юридически точно сформулировано: поскольку райисполкомы не использовали имущество для нужд подчиненных им органов и не получали от вышестоящих органов ассигнований на уплату этого имущества, а от них исходило только распоряжение о передаче имущества, то это распоряжение в качестве административного акта не могло служить основанием для возложения на них гражданско-правовой обязанности оплаты этого имущества. Кроме того, арбитраж обращал внимание истцов на то, что при сдаче имущества они должны были выяснять надлежащего плательщика, но этим они не озаботились. Обращает на себя внимание тот факт, что к такого же рода спорам арбитражем относились иски об оплате имущества и инструментов, переданных для строительства оборонительных рубежей. Однако, как выясняется, исход рассмотрения таких дел был иным: «Разрешение этих споров было облегчено тем, что Военный совет Ленфронта специальным приказом урегулировал вопрос об оплате этого имущества»¹¹. Вместе с тем, совершенно иначе в Госарбитраже отнеслись к требованию Управления оборонных работ НКВД прекратить все предъявленные к нему иски и передать споры на разрешение Военного совета. Это требование было отвергнуто.

Стремление разного рода хозяйственных органов снять с себя ответственность за выполнение договорных обязательств подпитывалось не только сложившимися чрезвычайными обстоятельствами, но и тем, что арбитражная и банковская практика не признавала за органами арбитража права увеличения санкций за невыполнение строительных договоров против указанных в государственных правилах о подрядных договорах по строительству. В Ленинградском городском государственном арбитраже во время войны считали эту точку зрения спорной. Однако за разрешением повышать по своему усмотрению санкции за невыполнение в срок строительных договоров по работам оборонного значения считали уместным обращаться не в Наркомат юстиции РСФСР и Госарбитраж РСФСР, а в исполком Ленгорсовета. Документов, свидетельствующих об одобрении данной позиции городской исполнительной властью, обнаружить не удалось.

Вместе с тем арбитраж в лице Н. И. Магида неоднократно предпринимал попытки, направленные на расширение своих полномочий. В частности, весной 1942 г. городской арбитраж начинает настаивать на необходимости «дать указания по восстановлению сроков исковой давности, пропущенных по условиям военного времени»¹². Были даны такие указания или нет — обнаружить подтверждающие это документы не представилось возможным. Однако в своей практике городской арбитраж, как правило, отклонял ходатайства о восстановлении давностного срока¹³. Основной причиной негативного отношения к восстановлению давностного срока являлось то, что «некоторые организации от-

тягивают платежи в надежде, что кредитор окажется бездельником и ротозеем и пропустит установленный законом срок для взыскания задолженности. Эти надежды часто оправдывались»¹⁴.

Стремление к расширению компетенции городского арбитража привело к тому, что в конце апреля 1942 г. Н. И. Магид обратился в исполком Ленгорсовета со следующим предложением: «Споры, связанные с поставкой товаров ширпотреба и прочая деятельность по обслуживанию населения, подсудны Госарбитражу... только в тех случаях, когда поставщиками являются организации городского подчинения. В тех случаях, когда поставщиками являются организации областного, союзного и республиканского подчинения, споры подсудны Госарбитражу при Облсовете. Принимая во внимание:

1) что Госарбитраж при Облсовете почти не функционирует,

2) что вопросом обслуживания населения города Ленинграда занимается не исполком Облсовета, а Исполком Ленгорсовета,

3) что в настоящих условиях основная деятельность Леноблисполкома проходит вне Ленинграда и что Ленгорисполком, как по собственной инициативе, так и по поручению Военного совета и партийных органов проводит мероприятия в отношении всех, без исключения, организаций, находящихся на территории Ленинграда,

4) что органы Исполкома и Ленгорсовета, в частности, городской арбитраж должны в настоящих условиях контролировать выполнение решений по всем, без исключения, видам обслуживания населения Ленинграда, независимо от того, какие организации союзные или республиканские, или областные эти услуги призваны оказывать

Я вношу предложение впредь до дальнейших распоряжений расширить подсудность Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета согласно прилагаемому проекту совместного решения Леноблисполкома и Ленгорисполкома»¹⁵.

Нельзя отказать Магиду в логичности обоснования своего предложения, однако исполком Ленгорсовета, судя по всему, не рискнул пойти на запрашиваемое расширение компетенции городского арбитража¹⁶. Можно предположить, что обусловило эту осторожность как нахождение в блокированном городе представителей областного арбитража, так и вполне вероятный отказ подчиняться решениям городского арбитража со стороны упомянутых Магидом союзных и республиканских предприятий и организаций. Попытки фактического руководителя городского арбитража Магида добиться расширения компетенции возглавляемого им органа вышеописанным не исчерпывались. С довоенных времен Ленинградский городской государственный арбитраж осуществлял надзор за ведомственными арбитрами. Если уже в 1942 г. споры организаций, подведомственных Ленинградскому жилищному управлению, Отделу местной промышленности и уполномоченному по промкооперации, стали рассматриваться по просьбе руководителей этих органов не их ведомственными арбитрами, а в Ленинградском городском государственном арбитраже,

то независимость ведомственного арбитра при Отделе торговли сохранялась и в дальнейшем. Правда, в начале 1943 г. Н. И. Магид поставил в Ленгорисполкоме вопрос о целесообразности сохранения ведомственного арбитража при Отделе торговли¹⁷. Документов, свидетельствующих о том, что он нашел поддержку в исполкоме, обнаружить не удалось. Однако 15 июня 1944 г. ведомственный арбитр при Ленжилуправлении возобновил свою деятельность, к этому времени арбитраж при уполномоченном Управления Промкооперации находился в стадии организации. Магид продолжал настаивать на ненужности ведомственного арбитража, но понимания в Ленгорисполкоме не находил. Насколько встречаемое Магидом сопротивление диктовалось лоббистскими возможностями Отдела торговли и курирующими его представителями партийной и исполнительной власти, сказать затруднительно.

Уже в 1942 г. городской государственный арбитраж стал проявлять возросшую активность в вопросе осуществления функций контроля над выполнением договорных обязательств. В частности, по материалам контроля в исполкоме Ленгорсовета были поставлены вопросы о продаже овощных семян в магазинах Управления продторгами (предложение арбитража было принято исполкомом), «об использовании велосипедов для служебных разъездов» сотрудниками исполкома, о заготовке веточного корма, о запрещении перевозки в дневные часы по городу трупов без гробов, об обязанностях заказчиков газозубежищ и некоторые другие¹⁸. Помимо постановки вопросов перед исполкомом, городской Госарбитраж был озабочен и «ходом контроля». Так, им было выявлено, что «торговые отношения между предприятиями и торгами нарушены и восстанавливаются недопустимо медленно и что нет учета выполнения плана» в «деле изготовления товаров ширпотреба», в связи с чем было организовано проведение договорной кампании и начались «работы по понуждению торгов взыскивать штрафы с предприятий за недогрузки и по понуждению предприятий взыскивать штрафы за невывоз торгами продукции»¹⁹. Себе в заслугу городской госарбитраж ставил и то, что только его вмешательство «побудило Отдел местной промышленности, Управление промторгами и Трест зеленого строительства приступить к переговорам об изготовлении сельскохозяйственного инвентаря», «в результате непрерывного нажима и под угрозой штрафа был заключен договор между Ленсельхозторфом и Ленфуражторгом», в порядке контроля в вопросе об отпуске стройматериалов Тресту хлебопекарной промышленности «пришлось оказать давление не только на поставщиков, но и на самого получателя — Трест хлебопекарной промышленности» и именно «по инициативе Госарбитража Ленторготдел распределил конверты между торгами»²⁰. Отдельно для Госарбитража стоял вопрос о заключении договоров с артелями, в силу объективных причин уклонявшимися от принятия жестких обязательств.

В течение 1942 г. количество поступавших в городской госарбитраж дел стало постепенно возрастать. Если в 1-м квартале в него поступило всего 171, во 2-м квартале — 278, то в 3-м и 4-м кварталах 407 и 477 дел соответственно²¹.

Следует, однако, учитывать то обстоятельство, что рост количества поступивших в арбитраж дел свидетельствовал не о «возросшей дисциплинированности» руководства хозяйственных организаций, а о начинавшей приобретать планомерный характер проводимой арбитражем кампании по заключению договоров (то, что Магид называл «использованием Ленинградским городским государственным арбитражем сравнительно в широких размерах своих прав по возбуждению дел»²²). В следующем, 1943 г. количество поступавших дел колебалось от 500 до 740 в квартал²³. В первых двух кварталах 1944 г. динамика поступления дел оставалась примерно такой же: в 1-м квартале поступило 527 дел, во 2-м квартале — 634²⁴.

Использование Ленинградским городским государственным арбитражем сравнительно в широких масштабах своих прав по возбуждению дел действительно являлось отражением его возросшей активности в деле борьбы за договорную дисциплину в условиях войны.

Советскими юристами в теории административного права высказывалось мнение, что, «несмотря на выполнение ряда административных функций, Госарбитраж не является обычным органом государственного управления. От этих органов он отличается прежде всего тем, что не пользуется правом распоряжаться в области планирования, организации и управления хозяйством и не имеет подведомственных объектов управления»²⁵. Судя по всему, органы исполнительной власти Ленинграда придерживались несколько иной точки зрения. Так, в сентябре 1944 г. исполком Ленгорсовета принял решение, которым Госарбитражу предписывалось «при рассмотрении имущественных споров усилить борьбу с нарушениями финансовой, плановой и договорной дисциплины в деятельности хозяйственных организаций»²⁶. Иными словами, подчеркивалась особая значимость возлагавшейся на Госарбитраж функции «сигнализации». Нельзя сказать, что за предшествующий период возглавляемая Н. И. Магидом структура уклонялась от этой обязанности. В конце 1943 г., например, в прокуратуру было направлено 10 сообщений о выявленных при разрешении споров нарушениях: о злоупотреблениях с бельем Эвакогоспиталю на сумму более 5 тыс. р., о неполученной Первым медицинским институтом оплаченной рассаде на сумму 4 тыс. р., о пропаже на Главном складе Октябрьской железной дороги масла на 5 тыс. р. Кроме того, Госарбитраж поставил перед начальником Пожарной охраны вопрос о необходимости проверки качества применяемой артелью «Минерал» упаковки спичек, обратил внимание Треста нежилого фонда на то, что управляющие хозяйствами не используют предоставленных им прав на взыскание санкций за невыполнение арендаторами своих договорных обязательств и в первую очередь по его ремонту, а начальника Ленжилуправления проинформировал о необходимости привлечения к уголовной и материальной ответственности управляющего домохозяйством, в котором протечкой был причинен ущерб магазину Госпромторга на сумму свыше 12 тыс. р. и т. д.²⁷

Еще одним принципиальным вопросом, с которым пришлось столкнуться городскому арбитражу в период блокады, была проблема упущенной выгоды. Это был вопрос, как подчеркивал Магид, «поднятый в последнее время практиками и теоретиками». Примером того, как он решался, может служить рассмотрение в Госарбитраже жалобы совхоза «Василеостровец» к Свердловскому районному коммунальному отделу. Последнему был передан участок совхозной земли, на которой к моменту передачи совхоз посадил 250 тыс. саженцев капусты. Упущенную выгоду совхоз оценил более чем в 30 тыс. р., но арбитраж присудил ему всего 921 р. Апелляция к Главному арбитру при СНК РСФСР изменения решения городской инстанции не принесла, поскольку решение основывалось на применяемом Госарбитражем принципе, что возмещаются реальные убытки, а не упущенная выгода²⁸.

В целом оценивать результаты работы городского государственного арбитража в годы блокады затруднительно в силу ограниченности сохранившихся документов. Лишь незначительно выросшее количество отмененных арбитражных решений по сравнению с довоенным временем не может свидетельствовать о падении качества выполняемой госарбитрами работы, поскольку обуславливалось объективными причинами: резким и неожиданным изменением режима работы тех или иных хозяйственных организаций (вызванные, например, разрушениями в результате артобстрелов и пожаров, значительного сокращения занятых в производстве), изменениями в кредитной истории этих организаций, получением ранее недоступной информации. К окончанию периода обороны и блокады Ленинграда городской государственный арбитраж фактически функционировал как полноценная структура.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769. Подробнее об арбитражных комиссиях см.: *Ельевич М. И.* Арбитражные комиссии // Ученые записки Ленинградского юридического института НКЮ СССР. 1940. Вып. 2. С. 35–61.

² *Магид Н. И.* Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год и 1 квартал 1942 г. (за 9 месяцев войны), 16.05.1942 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

³ Магид, Наум Иосифович (03.04.1895, Двинск Витебской губ. — ?) — выходец из еврейской семьи; отец до революции 1917 г. был владельцем кустарной кистевой мастерской. Наум Иосифович окончил Двинское реальное училище (1912), в 1912–1914 гг. учился в политехникуме в Брауншвейге, закончил факультет общественных наук Петроградского университета (1921), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук (диссертация — «Основы советского жилищного права», 1948); член ВКП(б) с 14.08.1943. Биография Магида была характерной для той эпохи: в августе 1920 — январе 1921 г. он — военный следователь Революционного военного железнодорожного трибунала Северо-Западной железной дороги, затем — до апреля 1923 г. — юрисконсульт Московско-Нарвского райисполкома Ленинграда, а в апреле 1923 — апреле 1938 — юрисконсульт, заведующий юридическим

- отделом, заведующий общим отделом Петроградского Совета, Ленгубисполкома, президиума Леноблисполкома, Исполкома Ленгорсовета; с июня 1938 до мая 1942 г. — заместитель главного арбитра Госарбитража при Ленгорисполкоме; главный арбитр Госарбитража при Ленгорисполкоме (25 мая 1942 — 2 апреля 1953); депутат Ленсовета (декабрь 1947 — декабрь 1950). В 1930–1939 гг. он также являлся заместителем ответственного редактора «Вестника» и «Бюллетеня» Ленгорисполкома. Автор монографии «Положение о векселях» (1925), составитель «Сборника правовых ответов по жилищному вопросу» (Л., 1925) и «Сборника материалов по жилищному праву» (1939). В 1944 г. был издан его доклад «Договорные отношения государственных предприятий в СССР в период Великой Отечественной войны». В 1933 г. был награжден грамотой и золотыми часами, в 1942 г. — медалью «За оборону Ленинграда».
- ⁴ *Магид Н. И.* Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 2–3.
- ⁵ Там же. Л. 3.
- ⁶ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.
- ⁷ *Магид Н. И.* Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 5–6.
- ⁸ Следует учитывать, что функция «сигнализации» охватывала не только сферу производства товаров широкого потребления. Дело в том, что специфическая подсудность Ленинградского городского государственного арбитража исключала из его подведомственности подавляющую часть предприятий города, работавших на оборону, но определенного рода информация об их работе косвенно или прямо могла оказываться в распоряжении арбитража. В соответствии с циркуляром Прокурора РСФСР от 20 декабря 1938 г. местная прокуратура обязана была своевременно извещать Госарбитраж о результатах расследования по направляемым Госарбитражем в прокуратуру сообщениям о нарушении закона.
- ⁹ *Магид Н. И.* Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 6–7.
- ¹⁰ Там же. Л. 15–16.
- ¹¹ Там же. Л. 16.
- ¹² Там же. Л. 22.
- ¹³ Позже, в 1944 г. эта практика городского государственного арбитража фактически была санкционирована Главным арбитром при СНК РСФСР по делу Главного военного порта, указавшего, что давностный срок был пропущен по неудовлетворительным причинам, т. е. Обозно-вещевой отдел Главного военного порта находился всё время в Ленинграде и имел возможность своевременно истребовать выданный им аванс. Н. И. Магид в связи с этим отмечал: «По этим мотивам Ленинградский городской госарбитраж отклоняет претензии в связи с пропуском давностного срока и отказывает в восстановлении пропущенного срока» (*Магид Н. И.* Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1-1. Д. 15. Л. 17).
- ¹⁴ *Магид Н. И.* Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 53.
- ¹⁵ Письмо Н. И. Магида в исполком Ленгорсовета, 22.04.1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 484. Л. 3 — 3 об.
- ¹⁶ Вместе с тем, в этом случае остается без ответа вопрос, на каком основании городской арбитраж принимал к рассмотрению иски к Управлению оборонных работ НКВД.
- ¹⁷ *Магид Н. И.* Отчет о работе государственного арбитража за 4 квартал 1941 и 1942 г., 24.01.1943 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
- ¹⁸ *Магид Н. И.* Справка для П. С. Попкова о контрольной работе Госарбитража на 1 июня 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 484. Л. 3 — 3 об., 7.
- ¹⁹ Там же. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Л. 9–10.
- ²¹ *Магид Н. И.* Отчет о работе государственного арбитража за 4 квартал 1941 и 1942 г., 24.01.1943 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- ²² Там же. Л. 18.
- ²³ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

- ²⁴ *Магид Н. И.* Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 3.
- ²⁵ Арбитраж в СССР / Под ред. А. Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С. 11. Во время войны на совещаниях в Ленинградском городском госарбитраже приглашенными экспертами высказывалось мнение, что «арбитраж не является административным органом, органом управления, т. е. ему не принадлежит административная власть и право распоряжения... [но] ему принадлежит также право контроля и, в связи с этим, право сигнализации о неправильностях в деятельности тех или иных хозяйственных органов» (из выступления Л. И. Фишмана) (Протокол совещания юриконсультов в Госарбитраже при Исполкоме Ленгорсовета, 09.07.1944 // ЦГА СПб. Ф. Р-9621. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 1 об.).
- ²⁶ Решение Исполкома Ленгорсовета от 16 сентября 1944 г. № 123-9 «О работе Государственного арбитража» // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1567. Л. 26. Судя по всему, данное решение исполкома Ленгорсовета было обусловлено принятым ранее — 11 мая 1944 г. постановлением СНК РСФСР № 401 «О работе органов Госарбитража РСФСР», которым предписывалось: «1) <...> в) сообщать облисполкомам, крайисполкомам, совнаркомом автономных республик, народным комиссариатам и руководителям хозяйственных организаций о выявленных недочетах в деятельности подчиненных им хозяйственных органов и предприятий (нарушения режима экономии и финансовой дисциплины, факты бесхозяйственности, недостачи товаров, вопросы качества продукции и т. п.), вносить предложения по устранению этих недочетов и сообщать органам прокуратуры в необходимых случаях о нарушениях закона для привлечения виновных к ответственности <...> 4. Обязать народных комиссаров, руководителей ведомств и учреждений РСФСР принимать меры к устранению недочетов в деятельности подчиненных им хозяйственных организаций и предприятий по материалам государственного арбитража, и о принятых мерах сообщать соответствующему органу государственного арбитража» (<http://lawru.info/dok/1944/05/11/n1194180.htm> (дата обращения 03.05.2019)).
- ²⁷ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–20, 24.
- ²⁸ *Магид Н. И.* Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 18.

УДК 94(47).084.8

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00056

Alexis Peri

Lessons of the Leningrad Blockade: Schoolchildren's Diaries as Sites of Learning, 1941–1943

When describing the incomprehensible circumstances in which they found themselves, the *blokadniki* relied on several metaphors. The most famous of these were “the ring”, which conveyed their state of encirclement, and “the island”, which expressed their isolation from the mainland (большая земля)